

Предисловие*

Роман Кацман, Клавдия Смола, Максим Д. Шраер

Этот сборник посвящен литературному творчеству Давида Шраера-Петрова — поэта, прозаика, мемуариста, драматурга, эссеиста и переводчика (а также врача и исследователя-экспериментатора). Давид Шраер-Петров — один из наиболее значительных представителей того поколения еврейско-русской литературы, которое начало свой путь в постсталинские годы, развиваясь как в официальных, так и в андеграундных условиях, затем перекочевало в эмиграцию, а теперь уже разбросано по разным странам и материкам. Еврейско-русская культура, соединяющая две исторические эпохи и два измерения — советское и эмигрантское, — уходит в прошлое. Именно поэтому задача документации и изучения обширного наследия еврейско-русской культуры приобретает особую важность в наши дни.

В год 85-летия Давида Шраера-Петрова, по прошествии 35 лет со времени эмиграции писателя из СССР, под одной обложкой впервые собраны материалы и исследования, с разных историко-литературных и теоретических позиций освещающие его творчество. Фокусируя внимание на многогранном и событийно насыщенном литературном пути Давида Шраера-Петрова, эта книга объединяет ведущих американских, европейских, израильских и российских исследователей еврейской поэтики, литературы эмиграции, русской и советской культуры и истории.

---

* Copyright © 2021 by Roman Katsman, Klavdia Smola, Maxim D. Shrayer.

* * *

Давид Шраер-Петров родился в Ленинграде (Санкт-Петербурге) 28 января 1936 года и вступил на советскую литературную сцену в конце 1950-х годов как поэт и переводчик. Хотя в СССР Шраеру-Петрову и удалось опубликовать книгу стихов (в 1967 году), две небольшие книги эссе (в 1970-е годы) и литературные переводы, большая часть его собственных стихов и прозы не были допущены к публикации. Причиной тому было не только еврейское происхождение писателя, но и открытое обращение Шраера-Петрова к табуированным в советское время темам. К середине 1970-х годов писателя все больше и больше занимает природа взаимоотношений русских и евреев. «Постичь различие между русскими и евреями. А эти два народа мне ближе других — плотью (генами) и духом (языком)», — писал Шраер-Петров позднее, в начале 1986 года, более чем за год до эмиграции. Литературное и публичное выражение еврейского самосознания приводит к конфликту с советской системой и правлением Союза писателей СССР, из которого Шраер-Петров был исключен за решение эмигрировать. Более восьми лет Шраер-Петров провел в отказе. Невзирая на официальный остракизм и преследования органами госбезопасности, Шраер-Петров много и плодотворно писал. В годы отказа им были созданы три романа, несколько пьес, первый том литературных воспоминаний (позднее вошедший в книгу «Водка с пирожными»), множество рассказов и стихов (среди них книга «Невские стихи»).

Летом 1987 года писатель эмигрировал из СССР и поселился в США. За годы жизни в Америке Шраер-Петров опубликовал двенадцать книг стихов, десять романов, шесть сборников рассказов, четыре мемуарные книги и две пьесы. Из всех его произведений наибольшую известность получила трилогия романов об исходе евреев из СССР. Английский перевод первой части трилогии, *«Doctor Levitin»*, был опубликован в 2018 году. В 2014 году в интервью об опыте еврейско-русского писателя

в иммиграции Шраер-Петров подвел итог переменам, произошедшим в его жизни и самоощущении:

Во-первых, изменились ближняя среда и дальняя среда. Хотя я написал довольно много рассказов на еврейские темы или с участием евреев, происходят они уже в Америке... в этом смысле я уже американский писатель... мне кажется, что я сроднился с Новой Англией... она стала страной моей жизни¹.

* * *

Материалы в сборнике объединены в четыре части. В первую часть, «Давид Шраер-Петров: Жизнь, творчество, идеи», вошли статьи, предлагающие общий взгляд на жизнь и творчество писателя. Клавдия Смола рассматривает вопрос о его месте в еврейско-русской литературе, Роман Кацман анализирует особенности его поэтики в контексте позднесоветского художественного нонконформизма, а Максим Д. Шраер предлагает панорамный обзор литературной биографии писателя в диалоге с еврейской, русской и американской литературой.

Во второй части, «Поэзия», собраны работы, посвященные стихотворениям и поэмам, а также поэтическому кругу Давида Шраера-Петрова. Ян Пробштейн разбирает многие из его поэтических сборников и циклов, сопоставляя стихотворения, написанные в России и в Америке, выявляя лейтмотивы и просодические тенденции. Олег Смола в своих «заметках на полях» обсуждает такие ключевые для Шраера-Петрова темы, как судьба, еврейство и восприятие России, а также его (нео-)футуристическую поэтику и любовную лирику. Работа Стефано Гардзони посвящена итальянским темам и мотивам в поэзии Шраера-Петрова. Андрей Ранчин предлагает опыт прочтения

---

¹ Шраер-Петров Д., Шраер М. Д. Еврейский секрет. Давид Шраер-Петров о драгоценном камне рассказа, вибрации чувства и упорной любви к родине // Независимая газета: Ex Libris. 2014. 11 авг.

одного из стихотворений поэта, приоткрывая тем самым тайны его поэтической мастерской, а Евгений Ермолин подробно разбирает одну из главных литературно-биографических коллизий в творчестве Шраера-Петрова — его личную и писательскую дружбу с «классиком авангарда» Генрихом Сапгиром.

Третья часть сборника, «Романы об отказниках», посвящена трилогии об отказниках, которая принесла Шраеру-Петрову наибольшую известность. Клавдия Смоля рассматривает творчество Шраера-Петрова в контексте еврейского ренессанса и «литературы алии» позднесоветского периода. Джошуа Рубинштейн выделяет в качестве основополагающего психокультурного комплекса в прозе Шраера-Петрова об отказниках тему еврейской мести. Статья Брайена Горовица посвящена отношениям автора и героя в романе «Доктор Левитин» — первой части трилогии. Моника Осборн анализирует в своей статье изменения в еврейской идентичности и во взаимоотношениях между еврейским сообществом и властью — как сорок лет назад в бывшем СССР, так и в наши дни в еврейской диаспоре.

Изучению художественной прозы Шраера-Петрова посвящены статьи, собранные в четвертой части сборника, «Подходы к прозе». Марат Гринберг, отталкиваясь от образа писателя Грифанова в трилогии об отказниках, проводит параллели между творчеством Давида Шраера-Петрова и Юрия Трифонова. Леонид Кацис разбирает текстуальные и культурные источники романа Шраера-Петрова «Искupление Юдина», обнаруживая в романе духовные искания, характерные для советской еврейской интеллигенции. Борис Ланин подробно анализирует новеллу «Обед с вождем» — один из самых известных текстов Шраера-Петрова — в контексте русскоязычной прозы о мифе Сталина.

Четыре части настоящего сборника отражают наиболее значительные, хотя далеко не все магистральные линии в творчестве Давида Шраера-Петрова, изучение которого, как мы надеемся, только начинается. В раздел «Постскриптуm» вошли материалы, могущие послужить подспорьем для дальнейших исследований. Это обширное интервью, данное писателем Максиму Д. Шраеру, где поднимаются немало новых вопросов и проблем, связанных

прежде всего с «еврейским секретом» писателя, а также визуальная биография, пунктирно отмечающая пути исторического и литературного становления и пересечения параллельных вселенных Давида Шраера-Петрова. Завершает сборник подробная библиография работ писателя, опубликованных к моменту написания этих строк.

Декабрь 2020 года

Гиват-Шмуэль (Израиль) —

Дрезден (Германия) —

Честнам Хилл — Саут Чэттем (штат Массачусетс, США)

Часть первая

ДАВИД ШРАЕР-ПЕТРОВ:
ЖИЗНЬ, ТВОРЧЕСТВО,
ИДЕИ

Давид Шраер-Петров: русско-еврейский писатель*

Клавдия Смола

В 2021 году поэту и писателю, ученому-биологу, медику и бывшему отказнику Давиду Шраеру-Петрову исполняется 85 лет. В кругах русско-еврейской интеллигенции Шраер-Петров уже стал легендой: человеком, который пережил и описал историю еврейского диссидентства в Советском Союзе и стал одним из наиболее ярких мемуаристов позднесоветского периода. Шраер-Петров работал ученым-медиком на протяжении большей части своей профессиональной карьеры как в России, так и в Америке; ему принадлежат научные открытия в области микробиологии и имmunологии рака¹. Как и один из его любимых писателей А. П. Чехов, творческий диалог с которым он ведет во многих своих текстах (см. эссе Максима Д. Шраера в данном сборнике), Шраер-Петров в течение долгих лет был практикующим врачом². Для славистов и исследователей еврейской истории и культуры Шраер-Петров — классик литературы позднесоветского экзодуса и крупная фигура в литературе третьей волны русской эмиграции. До недавнего времени его творческая и научная биография, многочисленные тексты и роль в интеллектуальной истории русского еврейства и русской культуры не получали должного

---

* Copyright © 2021 by Klavdia Smola. Ранний вариант данной статьи был опубликован под названием «О прозе русско-еврейского писателя Давида Шраера-Петрова» в [Зальцберг 2017: 135–150].

¹ О медицинской и научной карьере Шраера-Петрова см. [Шраер-Петров 2010].

² О параллелях в литературной и медицинской биографиях Чехова и Шраера-Петрова см. [Shrayer 2006: 224–225].

внимания. Цель этого эссе и настоящего сборника — отчасти закрыть этот пробел, намечая направления для дальнейших исследований.

«Я ощущаю себя американцем, русским писателем и евреем, то есть во мне теперь уже сочетаются три ипостаси: Америка, еврейство мое и, конечно, Россия, потому что язык — это единственное орудие, с которым писатель имеет дело», — сказал Шраер-Петров санкт-петербургскому поэту Татьяне Вольтской в январе 2016 года в интервью для радиостанции «Радио Свобода» [Шраер-Петров, Вольтская 2016]. Вопрос идентичности писателя, о котором заставляет задуматься эта автохарактеристика, так же сложен и одновременно прост, как и для многих авторов транснациональной европейской диаспоры, начиная с периода Гаскалы (еврейского просвещения) в Европе и ассимиляции. Во многих случаях продуктивного развития творческой личности эта идентичность проявляется именно в художественных текстах — через синкетизм разных культурных традиций на уровне образов, стиля, тем и перспективы. Ко второй половине XX века — времени отрочества и юности Шраера-Петрова — процесс русификации и советизации евреев был практически завершен³. В то же время возродившееся в кругах советских евреев в 1960–70-е годы ощущение своей национальности и обретение заново часто уже полностью отсутствующих этнических знаний было симптомом не столько культурного климата, сколько политического. Как и многие его сверстники, писатель испытал на себе государственный и бытовой антисемитизм сталинской и постсталинской эпохи. Шраер-Петров не раз изображает в своей автобиографической прозе, в частности в романе «Странный Даня Раев» [Шраер-Петров 2004б], как главным героям агрессивно и грубо напоминают об их происхождении. В середине романа из уст Додонова, бывшего фронтовика, а ныне милиционера в уральской деревне, куда эвакуировали Даню с матерью из блокадного Ленинграда, семилетний еврейский мальчик слышит типичный набор оскорблений и инсинуаций

³ См. [Gitelman 1988; Tsigel'man 1991; Krupnik 1995; Friedgut 2003].

в адрес пожилого эвакуированного (на самом деле караима, которого Додонов по фенотипическим признакам принял за еврея): «Понаехали сюда горбоносые да картавые и свои порядки устанавливают. Я кровь рабоче-крестьянскую проливал, а вы, гады ползучие, по тылам отсиживаитесь. <...> Видишь, Владимира, за какую мразь мы с немцем воюем» [Шраер-Петров 2004б: 55].

Как подтверждают многочисленные художественные и документальные свидетельства в текстах Шраера-Петрова, его еврейство формировалось именно на фоне советского антисемитизма. Это связывает его с целым рядом русско-еврейских писателей, родившихся в 1930–40-е годы, и с их рассказами о еврейском детстве в Советском Союзе — с Александром Мелиховым, Марком Зайчиком, Давидом Маркишем, Израилем Меттером, Юлией Шмуклер, Людмилой Улицкой, Юрием Карабчиевским, Борисом Хазановым (псевдоним Геннадия Файбусовича) и многими другими. Еврейское национальное возрождение и борьба за репатриацию в Израиль (*алию*), начавшиеся во второй половине 1960-х годов, восходят к этим фактам и впечатлениям: негативно воспринимаемая еврейская идентичность, вскормленная юдофобией, преображается в одно из самых мощных освободительных, антиассимиляторных движений этнических меньшинств в российской и советской истории — и в одно из интереснейших явлений европейского андерграунда. Подобно Эли Люксембургу, Ефрему Бауху или Феликсу Канделю, Шраер-Петров становится писателем эксадуса, не раз сознательно отсылая к библейскому прототексту. Так, первая часть трилогии об отказниках, роман «Доктор Левитин» (1979–1980), черпает свою образность (хотя и точечно) из многовековой культуры иудаизма и приобщается в то же время к традициям мировой литературы сионизма.

Биография Шраера-Петрова объясняет некоторые черты его поэтики и круг интересов, воплощенных в его литературных воспоминаниях о Ленинграде и Москве [Шраер-Петров 1989]⁴ и в научных мемуарах «Охота на рыжего дьявола» [Шраер-Петров

⁴ См. также [Шраер-Петров 1994; Шраер-Петров 2007; Шраер-Петров 2010].

2010]. Некоторые сведения о биографии и творчестве Шраера-Петрова можно почерпнуть также из его очерков, разбросанных по сборникам его произведений и антологиям, некоторые из которых до сих пор не собраны в книги. К тому же, поскольку жизнь писателя может быть прочитана через призму его поэзии, некоторые из лирических стихотворений Шраера-Петрова на еврейские и иудаистские темы, такие как «Моя славянская душа» (1975) и «Вилла Боргезе» (1987–1990), или же поэмы, такие как «Летающие тарелки» (1981) и «Бегун» (1987), дают ключ к изучению его художественной биографии.

Литературный дебют Шраера-Петрова был связан с учебой в медицинском институте:

Я встретился в этом институте с будущим замечательным кинорежиссером Ильей Александровичем Авербахом. И вместе с ним и Васей Аксеновым мы организовали литературное объединение. Потом оно стало «промкой» — литературным объединением при Дворце Культуры Промкооперации, куда вошли такие крупные будущие писатели, как Рейн, Вольф, Бобышев, Найман, Кушнер, Еремин, Соснора [Шраер-Петров 2011].

Писатель органично вошел в когорту молодых ленинградских поэтов конца 1950-х — начала 1960-х годов, стремившихся возродить петербургскую школу Серебряного века. Как и многие поэты послевоенного советского периода, нередко еврейского происхождения, существовавшие полностью или частично в пространстве несанкционированной культуры, в 1960–70-е годы Шраер-Петров в основном публиковал поэтические переводы⁵. Его собственные стихи впервые появились в центральной печати в 1959 году в ежемесячном журнале «Пионер», незадолго до его отъезда в Белоруссию на службу армейским врачом (о поэтическом дебюте Шраера-Петрова см. статью Стефано Гардзонио

⁵ О феномене евреев-переводчиков в советский период см. романы «Остановите самолет — я слезу!» Эфраима Севелы (1975), «Некто Финкельмайер» Феликса Розинера (1975) и «Декада» Семена Липкина (1980).

в данном сборнике). В 1967 году некоторые из его ранних стихотворений были собраны в «Холстах» — единственном сборнике стихов, который поэт издаст в Советском Союзе [Шраер-Петров 1967]. В своих литературных публикациях 1950–70-х годов писатель использовал русифицированный псевдоним Давид Петров, который цензура часто заставляла сокращать до «Д. Петров», чтобы стереть очевидно еврейское имя.

Перед тем как в 1987 году эмигрировать с семьей — женой Эмилией и сыном Максимом — в Соединенные Штаты, писатель более восьми лет «просидел» в отказе. Открытый конфликт с режимом начался с того, что Шраер-Петров решился публично прочитать свои стихи на еврейскую тему: «Вдруг я понял, что, конечно, я обязан писать о евреях. Это главная линия в моей жизни. Кто как не я?» — заметил он в интервью 2011 года [Шраер-Петров 2011]. Живое свидетельство Шраера-Петрова о масштабах еврейского движения и карательных мер со стороны власти противоречит распространенному мнению (в том числе и западных историков) о незначительности отказнического общества и об элитарности интересов участников советского эксадуса:

...это был малый геноцид, который Советская власть делала.

Потому что в одной Москве сидело в отказе около 50 тысяч евреев, причем, самое главное, они большей частью выпускали людей простых профессий и отфильтровывали и держали в отказе, в основном, интеллигенцию. Причем интеллигенция деклассировалась. Например, я знаю, что один заслуженный артист Республики, скрипач, вылетела из головы уже фамилия его, он работал уборщиком в переходе на Смоленской площади.

Таких примеров была масса, все наши друзья, практически, работали рабочими, электромонтерами, бойлерщиками, а это были врачи, инженеры и т. д. Но врачам было немного легче, поскольку я спустился из старших научных сотрудников до положения простого врача, но я все-таки работал, это была моя профессия. А очень многие страдали. В отказе вся наша семья стала очень активно сотрудничать с активистами, такими как Слепак, Бегун и т. д. Меня много раз предупреждали, несколько раз хватали, вели в милицию,

допросы устрашающие устраивали, ну и т. д., и т. п. Кончилось практически судебным процессом, который подготовила газета «Аргументы и факты», они написали там огромную статью <...>.

Мне посыпали повестки в прокуратуру. Я решил — не пойду. Кончилось это дело тем, что я оказался в больнице, свалился с тяжелым сердечным приступом, и после этого вдруг отлегло. Они от меня отстали [Шраер-Петров 2011].

Несмотря на мучительный опыт отказа, изгнание из Союза писателей и преследования со стороны властей стали сильнейшим творческим импульсом для Шраера-Петрова, именно они сформировали его идентификацию как писателя-отказника.

Надо отметить, что стиль, художественная фактура и интеллектуальная основа прозы Шраера-Петрова сложились в доэмиграционный период, а в США обогатились прежде всего темой бытия русских евреев за границей, в основном в Америке. В этом смысле Шраер-Петров именно писатель иммиграции и изгнанничества, а не представитель более новой русско-еврейской литературы, транснациональной по духу, проблематике и географии, свидетельствующей об открытой и многовекторной идентичности молодых авторов русско-еврейского (или советско-еврейского) происхождения, пишущих нередко на двух языках. Это неудивительно, если учесть, что Шраер-Петров родился в 1936 году и уехал на Запад в 1987 году в возрасте пятидесяти одного года. К тому моменту он уже создал большой корпус поэзии, основные романы (первые две части трилогии об отказниках [Шраер-Петров 2014], которые я рассматриваю в отдельном эссе в данном сборнике, и «Искупление Юдина»), а также мемуары, сборник рассказов, публицистики и литературной критики. Более того, он уже впитал уникальные пласти еврейской культуры в позднесоветской России, с ее особой гибридностью — (анти)советско-еврейским самосознанием, памятью о замалчиваемом властью Холокосте и о разных исторических этапах советского антисемитизма. До эмиграции же сложилась рефлексия Шраера-Петрова на тему культурного и политического сионизма *алии*, к которому у него, думается, отношение неоднозначное (хотя бы

по факту выезда в Соединенные Штаты). И наконец, в России определилась поэтика его текстов с их стилистической и интертекстуальной ориентацией на русскую и западноевропейскую литературу и со скорее интеллектуальным, познавательным восприятием еврейской литературной традиции. Впрочем, вопрос о возможном развитии поэтики писателя в сравнении с другими еврейскими авторами того же поколения, жившими или живущими в США, Канаде, Германии и других странах за пределами России (такими как Эфраим Севела, Григорий Свирский или Фридрих Горенштейн), должен стать предметом отдельного исследования.

В американские годы Шраер-Петров опубликовал более двадцати книг: стихи, рассказы и повести, романы, литературные воспоминания, а также пьесы, эссе и критические статьи (см. библиографию Д. Шраера-Петрова в этом сборнике). На сегодняшний день вышло четыре его книги на английском языке, под редакцией его сына и сопереводчика Максима Д. Шраера, литературоведа и писателя; среди переводчиков Шраера-Петрова особого упоминания заслуживает его жена Эмилия Шраер, брак писателя с которой длится более 55 лет. Совместно с сыном была написана первая монография о ведущем поэте послевоенного авангарда Генрихе Сапгире, с которым он дружил многие годы [Шраер, Шраер-Петров 2004]⁶.

Из художественных произведений, написанных Шраером-Петровым в США, наиболее значительными мне представляются два романа: «Странный Даня Раев» (2001) и «Савелий Ронкин» (2004), опубликованные под одной обложкой в томе «Эти странные русские евреи» (2004), а также некоторые рассказы и повести, вошедшие в сборники «Карп для фаршированной рыбы» (2005) и «Кругосветное счастье» (2016). Избранные произведения Шраера-Петрова были впоследствии переизданы в сборнике «Кругосветное счастье», вышедшем в Москве в 2016 году.

⁶ С тех пор вышло еще два издания книги. Под редакцией Шраера-Петрова и Шраера также опубликовано первое академическое издание поэзии Генриха Сапгира, вышедшее в 2004 году в серии «Новая библиотека поэта». См. [Сапгир 2004].

«Странный Даня Раев» автобиографичен и охватывает довоенные детские годы заглавного героя в Ленинграде, а также три года, проведенные в эвакуации в деревне на Северном Урале. Кульминацией романа становится возвращение героя в Ленинград в 1944 году. Роман завершается летом 1945 года. По естественности языка, выбору впечатлений и переживаний и в то же время юмору и занимательности, свойственным этому «инфантальному» повествованию, повесть напоминает произведения о детях С. Т. Аксакова («Детство», 1852) и Чехова (рассказ «Гриша», 1886), а позже, например, Анатолия Приставкина («Ночевала тучка золотая», 1987) или Александра Чудакова (роман «Ложится мгла на старые ступени», 2012). Как и в лучших образцах литературы о детстве, ограниченность и «остраненность» восприятия ребенка парадоксальным образом сообщает самый точный образ исторической эпохи. Возникает живая картина довоенной жизни в Ленинграде, а потом в уральском селе во время войны. Рассказчик Шраера-Петрова претворяет воспоминания в художественный нарратив: более позднее осмысление, «взрослое» соотношение фактов вплетаются в поэтику детской перспективы — короткие предложения, настоящее время (время кругозора героя), конкретность оптики, постепенно расширяющееся пространство восприятия:

Помню деда Вульфа. Он старый. У него белая борода. Он почему-то в полушибке. Значит была зима? Да, зима. Он сидит у окна кухни. За окном улица. Сугробы. Крыши деревянных домов покрыты снегом. Дым идет из бурых кирпичных труб. Я сижу на коленях у деда Вульфа. Он кормит меня сладкой булкой и дает запивать молоком из кружки. «Это Полоцк, сынок, — говорит дед Вульф. — А когда-то мы жили в золотой Литве, в Шауляе». Из маминых рассказов я знаю, что дедушка Вульф, бабушка Ева, мамины сестры Ривочка и Маня, брат Митя и моя мама бежали из Литвы от белополяков. Поляки убили Ривочку. Бабушка Ева умерла от горя и от тифа. Дедушка с остальными детьми поселился в Полоцке. Он стал учителем еврейского языка. Тогда в Белоруссии еще были еврейские школы [Шраер-Петров 2004б: 17].

Реакция городского ребенка на простонародный язык уральской деревни воспроизводит своего рода конфликт культур:

- Меня зовут Пашка, — говорит мне подросток. — А тебя?
- А меня Даник, — отвечаю я. — А это моя мама, Стэлла Владимировна.
- Мудрено! — изумляется Пашка. — Вы кто будете?
- Ленинградцы! — с гордостью и даже с хвастовством говорю я.
- А люди бают «выковыренные»!

Не вдруг осознаю, что баять значит «говорить». А «выковыренные» —искажённое слово эвакуированные.

Пашка станет моим старшим товарищем и учителем деревенской жизни.

Мама между тем начинает переносить вещи в избу. Ей помогает пожилая тётинька, Елена Матвеевна. Мне Елена Матвеевна велит называть её: баба Лена. Она — хозяйка избы. Андрей Михеевич, которого я буду называть дед Андрей, её муж. Пашка их сын. Через некоторое время хозяева начинают называть маму: Владимировна, а она их: Матвеевна и Михеич [Шраер-Петров 2004б: 24].

Здесь встречаются русская крестьянская и русско-еврейская городская, а в социальном плане народная и интеллигентская культуры (похожая ситуация изображена в раннем автобиографическом романе Давида Маркиша «Присказка», 1971). В отличие от соседей по дому в Ленинграде, где Даня живет со своими родителями до начала войны, в приютившей их семье Терехиных нет ни тени юдофобства. Вместо этого эвакуированные евреи встречают какое-то человеческое всеприятие. Не случайно в эти военные годы, проведенные в эвакуации, Даня забывает о своем еврействе и становится частью русской христианской, а больше народной русской среды. Он празднует Масленицу, Пасху, Троицкое воскресенье, день Николая Чудотворца и Рождество. Правда, как отмечает рассказчик, Терехины имеют лишь смутное представление о том, что их постояльцы — евреи, и простодушно предлагают Дане и его матери завести свинью — что те и делают, чтобы не умереть с голоду:

И вот наш собственный поросёнок Нюоф хрюкает в сарайчике и, чавкая, нетерпеливо лопает вареную и толчёную с крапивой и лебедой картошку. А там и два гуся, переваливаясь, шагают под моей неусыпной заботой на луг к речке и обратно. У нас с мамой большое хозяйство: огород, поросёнок, гуси. Мы совсем деревенские [Шраер-Петров 2004б: 36–37].

Даня читает русские народные сказки, а позже повести Пушкина, Гоголя и Куприна, а позже «Кондукт и Швамбранию» Льва Кассиля (1931) и «Кюхлю» Юрия Тынянова (1925). И ему стыдно за то, что идиш, о котором рассказывает ему двоюродная бабушка, тетя Эня, похож на язык врагов — немцев.

Искусно, ненарочито показывает Шраер-Петров сочетание разных оттенков, формирующих особую, неоднородную среду для «приезжего» еврейства в русской провинции 1940-х годов: народный космополитизм деда Андрея и бабы Лены; ассимиляцию ребенка из еврейской семьи с уже вполне «тонкой» [Kritikov 2002: 5] этнической принадлежностью. При этом изображается живое общение Даны с членами своей «мешпухи» и бытовой антисемитизм местных сельских властей (см. выше о милиционере Додонове). И вместе с тем Шраер-Петров показывает синкретизм самой русской народной культуры: мужчины воюют на фронте, а их семьи, празднуя победу под Сталинградом, молятся и крестятся на икону Николы Угодника, кто по вере, а кто по привычке [Шраер-Петров 2004б: 62]. В Ленинграде умирающий дедушка дает Дане Ханука-гельт, а в другом эпизоде Данина семья празднует Шабат и хоронит родных по еврейскому обычаю. Этот синкретизм, разнородность традиций на фоне коммунистических (полу)запретов и то, как впитывает мальчик эту, по сути, противоречивую реальность, — свидетельство редкого искусства литературно-факторографического повествования Шраера-Петрова.

«Странный Даня Раев» — пример художественно-документального письма,нского большинству текстов Шраера-Петрова. В его прозе запечатлен момент рождения образа еврея позднесоветского типа, выросшего с фрагментарной памя-

тью и знанием еврейских обычаев и идиша, с еще сохраняющими традицию дедушкой или бабушкой и с мощным опытом антисемитизма (так обстоит дело и с персонажами Юрия Карабчиеvского или Александра Мелихова). Шраер-Петров признавался, что в 1970-е годы захотел писать «о тех евреях, которые сейчас есть, не шолом-алейхемских, таких шлимазловских, а о настоящей еврейской интеллигенции» [Шраер-Петров 2011]. Противопоставление «фольклорных» евреев Шолом-Алейхема «настоящим» советским знаменательно как маркер одновременных самоидентификации и самодистанцирования писателя. Во-первых, по некоторой стереотипности портрета «классического» литературного еврея можно судить об ограниченности еврейского литературного образования в позднесоветское время, в том числе и читателя, на которого ориентируется Шраер-Петров. Что важнее, у него намечено различие между евреем имперского русского прошлого (в сущности, большинству малознакомым) и евреем настоящего — русским (советским) интеллигентом с самосознанием совсем не Тевье-молочника, а, например, Льва Одоевцева, героя романа «Пушкинский Дом» (1978) Андрея Битова, близкого современника и коллеги Шраера-Петрова. Кроме того, писатель эксодуса, стремясь избежать распространенных советских стереотипов еврея, восходящих именно к ряду знаменитых шлимазлов и шлемилей, черпает вдохновение совсем из других источников. И если еврейских, а не русских, то не комических, а героических и трагических, библейских. (Здесь исключение составляет Эфраим Севела, который — по образцу Лазика из «Бурной жизни Лазика Ройтшванца» Ильи Эренбурга — перенес образ шлимазла в советское настоящее.)

Фигуру советского еврея-интеллигента с чертами шлимазла Шраер-Петров создал, уже став эмигрантом и американцем, в романе «Савелий Ронкин» (2004), который попал в число претендентов на «Русского Букера» в 2004 году. В жанровом отношении «Савелий Ронкин» — соединение прозы об эмигрантах, бульварно-эротического романа и литературных мемуаров. Это роман-гибрид, одновременно занимательное — нередко даже пикантное — и требующее интеллектуального включения чтение,

хроника повседневной жизни молодой русской богемы в Америке, сочетающая в себе черты психологического, исповедального повествования и литературно-филологической рефлексии. Как нигде здесь сказываются упомянутый выше синкретизм стиля Шраера-Петрова, не боящегося малосовместимых литературных линий, и, пожалуй, разноликость художественного уровня повествования. Роман, который прочитывается на одном дыхании, не в последнюю очередь черпает свою пикантность и остросюжетность в искусном чередовании декораций: позднесоветская литературная богема в ресторане Центрального дома литераторов (ЦДЛ) сменяется роскошной обстановкой загородного особняка Пола и Сабины Ротман на Кейп-Коде, а подмосковная дача Генриха Сапгира — апартаментами в Бостоне; московские улицы соседствуют с американскими пляжами.

Поэт Савелий Ронкин эмигрирует в Соединенные Штаты вместе с женой Вандой и ее близкой подругой (и кузиной) Сабиной, которая получает визу, так как выходит замуж за миллиона-ра-финансиста Пола Ротмана, страстного почитателя русской литературы и щедрого мецената русских неподцензурных поэтов. Любовные отношения персонажей сложны, поскольку обеих героинь связывают эротические отношения, а Савелий не только вынужден мириться с этим, но и сам вовлечен в сферу сексуального притяжения двух женщин. Талантливая русско-американская переводчица Гreta Димер переводит стихи Савелия на английский. Одновременно она, по всей видимости, возлюбленная Пола Ротмана. По ходу сюжета она становится временной женой экспата, поэта Гороховского, которого тоже переводит и боготворит. К своему другу — гению Гороховскому, постепенно становящемуся знаменитостью в эмиграции и в России и получающему премию Пулитцера, Савелий испытывает и симпатию, и зависть. До сих пор известный в литературных кругах «только» как поэт-переводчик, Ронкин страдает от собственного неуспеха и вынашивает заветную мысль об издании книги стихов, которая и выходит в конце романа под заглавием «Волны». К доброжелательному, практическому и в то же время несколько прекрасно-

душному и ограниченному Полу Ротману он начинает все больше ощущать ненависть: прежде всего он ненавидит свою материальную зависимость и творческую неполноценность. Сказывается и какая-то изначальная чужесть между измученным, неуверенным в себе, зависимым поэтом и преуспевающим образованным банкиром, не знающим нужды.

Примечательна характеристика Пола — стереотипный портрет американца, заслуживающий почетного места в галерее национальных образов у русских писателей (глупый немец у Чехова, легкомысленный француз у Толстого, ограниченный поляк у Достоевского и т. д.):

Немного об улыбке Пола Ротмана. Он был хорошо воспитан. Его убедили с малолетства, что добрые события естественно встречать улыбкой. События же и слова сомнительные или даже негативные куда правильнее принимать тоже с улыбкой (осторожной, несмешливой, печальной, укоризненной, даже саркастической), нежели со злым или скрученным выражением лица [Шраер-Петров 2004а: 119].

Временами Ронкин зарабатывает мойкой машин, один раз ему удается, благодаря ходатайству Пола и отзыву Горюховского, получить место научного сотрудника на кафедре лингвистики Бостонского Колледжа. Но и научная карьера быстро заканчивается, потому что он уходит в глубокий запой и перестает интересоваться не только работой, но и внешним миром вообще. Этот очередной запой Савелия вызван скандальным провалом книги его мемуаров «Воспоминания литературной лошадки», вышедшей в русском эмигрантском издательстве. С горьким сарказмом и мастерской литературной полемичностью изображает Шраер-Петров предвзятую реакцию критиков и «образованных» читателей-эмигрантов на порой нелестные, а по сути объективные или хотя бы парадоксальные мнения и факты, обнародованные Ронкиным в мемуарах. «Партийность» и агрессивный непрофессионализм публики, кажущиеся в романе элементом автобиографических переживаний автора, с особенной иронией переданы

в диалогах Савелия с гостями-иммигрантами на вечеринке. Медики Марк и Нина Шустер шокированы близким знакомством Ронкина с писателем-сталинистом Константином Симоновым, математик Юлий Окунь оскорблен фактом «ошельмования» «ортодоксального еврея-отказника Цукермана»⁷, бывший отказник-диссидент Володя Гопак возмущается по поводу мнимой симпатии Ронкина к мусульманам, которых Гопак считает врагами еврейского народа, а хозяин дома Гена Гофман недоумевает, почему Ронкин не считает поэта-песенника Булата Окуджаву «великим» поэтом [Шраер-Петров 2004а: 292–295]. Почти плачально, как Гончаров в начале «Обломова» (1859), Шраер-Петров изображает переду соседей-помещиков, проводит перед читателем вереницу представителей эмигрантской читающей публики.

Культурная значимость и историческая достоверность образа непризнанного, мучающегося безработицей еврейского поэта-переводчика подтверждается серьезной литературной генеалогией, в которую входят «Некто Финкельмайер» (1975) Феликса Розинера, «Декада» (1980) Семена Липкина и «Пес» (1984) Давида Маркиша. Только в последнем из названных текстов речь идет о культурном пространстве эмиграции (Израиле) и узости его издательско-читательской политики. Вместе с Розинером и Липкиным Шраер-Петров исследует проблематику авторской неудачливости и творческой половинчатости переводческой работы, перенося ее в постсоветский период. Как и Маркиш, он нелестным образом связывает литературные линии России и Запада. Впрочем, выход книги стихов Ронкина в finale и его возвращение в Россию сулят новое начало.

Отдельные фрагменты романа «Савелий Ронкин» в измененном виде взяты Шраером-Петровым из написанных им ранее текстов. Например, эпизод с караимами в Тракае отсылает к «Доктору Левитину». Вариант рассказа «Старый писатель Форман» (1995) появляется в «Савелии Ронкине» в качестве вставного текста.

⁷ Гротескный образ религиозного отказника Цукермана нарисован в рассказе «Цукерман и его дети» [Шраер-Петров 2005: 65–73].

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru